

ИВАНОВА АННА СЕРГЕЕВНА

**МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ:
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2010

Работа выполнена на кафедре социальной философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Боголюбова Елена Владимировна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Алейник Раиса Михайловна

кандидат философских наук, доцент
Гаспарян Диана Эдуардовна

Ведущая организация: НИЯУ МИФИ, кафедра философии

Защита диссертации состоится 18 февраля 2011 г. в 15.15 на заседании диссертационного совета Д 501.001.16 по философским наукам при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, учебный корпус № 1, зал заседаний Ученого совета, ауд. А 518.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу: Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, сектор «Б», 3-й этаж, комн. 300.

Автореферат разослан 17 декабря 2010 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000582407

Ученый секретарь
диссертационного совета

кандидат философских наук, доцент

Кржевов В.С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Тенденции развития современного обществознания, как справедливо отмечает ряд авторов¹, вписаны в общий эпистемологический поворот, произошедший во второй половине XX века. Среди его характерных «примет» можно отметить следующие:

- смена типов рациональности, предполагающая отход от идеалов эпохи Просвещения, проявлявшихся, в частности, в представлении о линейном характере развития человеческой истории и рациональной подконтрольности социальных процессов; обращение к человекоразмерному опыту осмысления мира;

- метатеоретические трансформации, понимаемые как изменение взгляда на проблему оснований науки: на смену идее универсального стандарта научности приходит принцип социокультурной обусловленности знания (в том числе и научного);

- замена когнитивных принципов, то есть принципов построения научных теорий: отказ от естественнонаучной модели получения знания как единственно правомерной; осознание того, что социальное – не только «объективная данность», но и интерпретируемая человеком смысловая реальность.

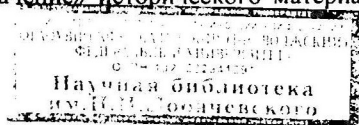
Указанные мировоззренческие и методологические трансформации обуславливают необходимость поиска новых способов научной экспликации социальной реальности, делая изучение неклассических методологий и, в частности, феноменологической перспективы, чрезвычайно актуальными исследовательскими задачами.

Феноменологическая социология, дистанцируясь от бихевиористской модели описания поведения индивида и структурно-функциональной версии истолкования природы социального, в значительной степени отвечает

¹ См., напр.: Резник Ю.М. Введение в социальную теорию: Социальная системология. – М., 2003. С. 420-430. Михешина Л.А. Тенденции развития эпистемологии социального и гуманитарного знания // Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / Отв. ред. Л.П. Киященко и В.С.Степин. – СПб., 2009. С. 491-511.

специфике формирующегося образа социально-гуманитарного знания, ибо реабилитирует человеческую субъективность в ее онтологическом (а не только гносеологическом) измерении, ставит на повестку дня проблему принципиальной укорененности дискурса науки в структурах «жизненного мира», актуализируя рассмотрение вненаучных способов когнитивного освоения социокультурной реальности. В этой связи именно феноменологическая традиция представляется весьма перспективной линией философской проблематизации основ социально-гуманитарного знания. Подчеркнем и тот факт, что, если ряд других направлений современной неклассической социальной теории (структуралистский конструктивизм П. Бурдьё, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса и др.) достаточно полно освещены в научной литературе, то феноменологическая социология в значительной степени не исследована и ее эвристический потенциал не раскрыт.

Сама постановка проблемы, вынесенная в заглавие диссертационной работы, также представляется значимой с точки зрения потребностей современного научного дискурса. Дело в том, что число работ, посвященных проблемам общей теории и методологии социального познания, сегодня значительно уступает по количеству исследованиям, в которых анализируются узко-специальные вопросы различных социогуманитарных дисциплин, их конкретно-научные методы и приемы. Деятельность по разработке вопросов фундаментального характера – природы социальной реальности, особенностей ее познания – не слишком популярна среди российских ученых. Тому есть свои основания. В течение длительного времени в нашей стране функции методологии социальных наук были прерогативой исторического материализма. Разработка теорий, не укладывавшихся в материалистическое понимание истории, граничила с посягательством на незыблемость оснований марксистско-ленинского мировоззрения. Последовавшая в 90-е годы радикальная либерализация общественных наук привела к иной крайности: «разоблачение» исторического материализма обернулось тотальной критикой

социальной философии как таковой. Многие исследователи, еще недавно настаивавшие на исключительной роли философии для социогуманитарных дисциплин, стали исповедовать позитивистский принцип «наука сама себе философия», отказывая последней в праве рассматривать вопросы методологии конкретных социальных наук. Философия-де раз и навсегда скомпрометировала себя в области социального познания связью с марксизмом. Именно она повинна в излишней идеологизации науки. Эмансипация социальных наук поэтому возможна лишь на путях искоренения из ее предмета и метода какой-либо «философии». Вряд ли можно согласиться с подобным утверждением, поскольку отказ от «единственно правомерной» методологии научного поиска не должен повлечь за собой упразднение методологической функции философии как таковой

Напротив, именно сегодня, когда общество вступает в новую, информационную фазу своего развития, необходимость создания фундаментальной теории, адекватно описывающей его коммуникативный характер, наиболее очевидна. Требуется содержательная философская концептуализация происходящих в мире глобальных трансформаций, а не просто анализ частных вопросов различных обществоведческих дисциплин.

Таким образом, актуальность темы исследования, связана, с одной стороны, с адекватностью феноменологической социологии парадигмальности нового типа в науках об обществе, с другой, – с объективной нехваткой работ, посвященных фундаментальным проблемам социальной теории.

Степень разработанности проблемы. Замысел данного диссертационного исследования предполагал как обращение к вопросам общетеоретической методологии и теории познания, так и глубокое изучение феноменологической философии и основанной на ней социологической традиции. В этой связи использованные в процессе исследования источники могут быть сгруппированы следующим образом.

1. Исторически проблематика онтологической и методологической специфики гуманитарного знания возникает в европейской философии во 2-ой

половине XIX века, именно поэтому возникла необходимость обращения к работам В. Дильтея, Г. Риккерта, В. Виндельбанда, М. Вебера.

Отметим труды отечественных и зарубежных специалистов по общей теории познания и философской методологии науки. Что касается русскоязычного корпуса литературы, то многие фундаментальные работы были написаны в условиях господства исторического материализма в социальном познании. Однако и на современной этапе развития социальной науки они не утратили своей значимости: в них глубоко анализируются проблемы соотношения общефилософской и частнонаучной методологий, разрабатывается ряд базовых категорий социальных наук. Если оставить в стороне некоторую идеологическую тональность их написания, они представляют непосредственный интерес в контексте нашей проблематики. Отметим работы В.С. Барулина, А.И. Ракитова, Э.Р. Григорьяна, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзона, П. Гиндева. В данном исследовании используются также работы зарубежных классиков в области философии и социологии науки – А. Койре, Т. Куна, К. Поппера, Р. Мертон.

Современная теория познания в значительной степени трансформировалась в социальную эпистемологию. Среди зарубежных специалистов, рассматривавших вопросы социокультурной обусловленности знания, отметим Д. Блура, Б. Барнса, Э. Макмаллина, Б. Латура, К. Кнорр-Цетину. Важное значение в нашем исследовании также имели работы представителей конструктивистской парадигмы в эпистемологии – К. Джерджена, Э. фон Глазерсфельда.

Особый интерес представляют работы В.С. Степина, в частности его концепт «постнеклассической рациональности». Значительный вклад в изучение парадигмальности нового типа в науках о человеке, несомненно, внесли такие специалисты, как И.Т. Касавин, В.С. Швырев, М.А. Розов, Л.А. Микешина, П.П. Гайденок, В.Н. Порус.

2. Следующий корпус текстов составляют исследования, посвященные проблемам современной социальной теории в целом и феноменологической перспективы в частности.

Среди отечественных специалистов следует указать на работы по истории и теории социологии Л.Г. Ионина, Ю.Н. Давыдова, В.И. Добренкова, В.А. Ядова. Отметим также тексты, ориентированные не столько на исторический анализ, сколько на проблемное рассмотрение современных неклассических версий социальной теории: исследования К.Х. Момджяна, Ю.М. Резника, И.Ф. Девятко, А.Ю. Ашкерова, Л.А. Савченко, Ю.А. Кимелева, В.Е. Кемерова, Ю.Л. Качанова. Вместе с тем, в этих работах не предпринимается попытка обоснования феноменологического проекта в социологии в целом. Речь идет либо об отдельных представителях этого направления, либо о социальной феноменологии в рамках предшествующей традиции «понимающей социологии».

Несомненным подспорьем в нашем исследовании были труды и ведущих западных социологов: П.А. Сорокина, Р. Арона, Э. Гидденса, П. Бурдьё, Н. Элиаса, Ю. Хабермаса, З. Баумана, Ф. Коркюфа, П. Штомпки, Р. Коллинза, многие из которых также обращаются к анализу феноменологической перспективы в социологии. Отдельно отметим принципиальную в контексте нашей работы парадигму «качественных методов» в социальном познании. Данное направление представлено такими зарубежными специалистами, как Б. Глезер, А. Страусс, А. Корбин, Н. Дензин, И. Линкольн, среди отечественных социологов отметим А.С. Готлиб, В.В. Семенову.

3. Следующий блок источников составляют фундаментальные исследования по феноменологической философии и, в первую очередь, работы Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти. Также мы опирались на тексты крупнейших специалистов по феноменологической философии: Г. Шпигельберга, Ф.-В. фон Херрманна, П. Прехтля, Р. Ингардена, Э. Левинаса, Л. Эмбри, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Деррида. Отметим отечественных специалистов: В.И. Молчанова, Н.В. Мотрошилову, В.У. Бабушкина, Е.Д. Руткевича, Я.А. Слинаина,

Д.Н. Разеева, В.А. Серкову, В.А. Куренного, В.В. Калиниченко. Однако следует подчеркнуть, что большинство указанных авторов специализируются на изучении феноменологии как философии сознания, проблематика же социально-гуманитарных наук в контексте феноменологии ими в большинстве случаев не рассматривается. В этой связи особо выделим работы Н.М. Смирновой, которые представляют собой, пожалуй, единственную в отечественной философии попытку систематического изучения «социального наследия» феноменологии.

4. Ключевое значение в рамках исследования имели работы самих теоретиков феноменологического направления в социологии: А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, Г. Гарфинкеля, А. Сикурела, Х. Сакса, Р. Уотсона, Э. Щеглофа, Д. Силвермена, М. Филипсона, Д. Уолша, П. Филмера, а также труды представителей современной экзистенциальной социологии, зачастую рассматриваемой в непосредственном соотнесении с феноменологической. Это исследования таких авторов, как Э. Тирикьян, Д. Дуглас, Д. Котарба, Д. Хейм.

В заключение краткого анализа степени разработанности интересующей нас проблематики и обзора литературы по ней выскажем следующее мнение. С одной стороны, имеют место исследования специалистов-социологов, однако очевиден недостаток работ, в которых бы социологические построения авторов сочетались с глубоким знанием философской терминологии. С другой стороны, при несомненно тщательном анализе самой феноменологической философии как зарубежными, так и отечественными исследователями, ими практически не ставятся вопросы ее «социологического прочтения». Таким образом, не умаляя достижений всех перечисленных нами авторов, можно утверждать, что на современном этапе ощущается нехватка работ, где социально-философский разбор феноменологии сочетался бы с попыткой философской проблематизации базовых допущений самой социальной теории.

Объект исследования – философская методология социогуманитарных наук.

Предмет – эпистемологическая специфика феноменологического дискурса в науках об обществе.

Цель диссертационного исследования – в соотнесении с другими версиями философской проблематизации оснований наук об обществе критически переосмыслить содержание феноменологического проекта методологии социогуманитарного знания, наметить возможные перспективы этого направления.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач:

- обосновать оправданность применения теоретической схемы «классическое – неклассическое – постнеклассическое» применительно к социальному познанию;
- выявить парадигмальные основы «классической» и «неклассической» стратегий теоретизирования в науках об обществе;
- реконструировать становление социальной проблематики в рамках феноменологической философии;
- на основе анализа центральных категорий феноменологической социологии тематизировать специфику последней;
- продемонстрировать мировоззренческий и эпистемологический потенциал феноменологической версии обоснования социогуманитарного знания.

В связи с признанием принципиальной взаимозависимости и взаимообусловленности перспектив «человека» и «общества», методологической основой исследования выступает совмещение элементов субстанциально-деятельностного и структурного подходов к изучению социального.

Положения, выносимые на защиту, их новизна:

1. Продемонстрировано, что, в противовес эссенциализму «классической-неклассической» социологий, «постнеклассическая» социальная теория может быть определена в перспективе реляционизма. Отказ от ключевой оппозиции «действие-структура» открывает

возможность совмещения «деятельностной» и «системной» методологий изучения социальной реальности.

2. На основе анализа феноменологической концепции Э. Гуссерля показано, что социальная проблематика не привносится в феноменологию «извне», но есть результат имманентного развития этой философской традиции.

3. Доказано, что феноменологическая социология порывает с традицией «экстраординарного», характерной для культурцентристской парадигмы: именно «онтически тривиальное», с позиций социальной феноменологии, – «онтологически проблема».

4. Показано, что феноменология вносит свой вклад в преодоление крайностей ментализма и бихевиоризма в объяснении человеческих действий. В частности, обосновано, что феноменологическая социальная теория есть отход от перспективы «акционизма» М. Вебера: «смысл действия» не есть мотив как достояние актора, но социально организованные конвенции как способы приписывания субъектам определенных «побудительных мотивов».

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется полученными результатами, их новизной; практическая – возможностью их использования при разработке и чтении курсов по общим вопросам социально-философской методологии и феноменологической социологии.

Апробация работы. Рассматриваемая в диссертации проблематика обсуждалась в рамках выступлений автора на Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008» (Москва, апрель 2008), на Вторых Российско-украинских философских чтениях молодых учёных (Москва, май 2008), на Всероссийской научно-методической конференции «Проблемы и перспективы преподавания социогуманитарных дисциплин в технических вузах в современных условиях» (Москва, ноябрь 2008), на Международной научно-практической конференции «Семья в

современном мире» (Москва, декабрь 2009), на Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2010» (Москва, апрель 2010). Результаты исследования отражены в 7 публикациях автора.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих десять параграфов, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, дается характеристика степени разработанности проблемы, определяются объект и предмет, цель и задачи диссертационного исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, их новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «Социальное познание как методологическая проблема» посвящена рассмотрению структуры современного социологического знания. В первом параграфе (**«Методология общественных наук: к постановке вопроса»**) подчеркивается тот факт, что многими исследователями ситуация в современной методологии социогуманитарных дисциплин характеризуется исходя из категорий «гносеологического плюрализма», «фрагментарности и разорванности методологического сознания»², а также «отказа от принципа методологического универсализма и единообразия при рассмотрении общества».³ Тем самым постулируется факт наличия в науках об обществе различных, конкурирующих между собой, концептуальных подходов и схем описания. Позиция диссертанта такова, что провозглашение принципа научного плюрализма не должно оборачиваться методологической анархией, а отказ от идеала «строгой науки» в общественном знании – отрицанием требований научной рациональности.

² См.: Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. – М., 2004. С. 45.

³ Грицанов А.А., Румянцева Т.Г. Эволюция отечественной социальной теории: от парадигмальности монистического типа к рамочной модели // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2007. Том I, вып. 1. – М., 2007. С. 136.

С нашей точки зрения, проблематику методологии социально-гуманитарного знания необходимо рассматривать в двух основных ракурсах: в контексте соотношения предметного и методологического срезов науки, а также исходя из анализа дисциплинарного «разделения труда» – анализируя специфику «прав и обязанностей» общих и частных социологических дисциплин в отношении методологического фундирования научной деятельности.

Ставшее традиционным понимание методологии как учения о методе (или методах) познания объекта науки оставляет открытыми ряд вопросов. Одной из наиболее дискутируемых является проблема того, как мыслить саму методологию – в качестве частнонаучной области знания или же как философскую дисциплину. В ходе анализа мы приходим к выводу, что для разграничения социального философствования и отдельных обществоведческих дисциплин уместно говорить об их предметной спецификации (философия проблематизирует общество как целостность, в то время как конкретные науки изучают одну из его составляющих); применительно же к общей социологии подобное разграничение не является адекватным, ибо предмет последней – также общество в его системности. Наша позиция состоит в том, что осуществляемая в рамках социально-философского дискурса проблематизация самой теории науки, ее методологического инструментария, способа интерпретации объекта возводит социальную философию на уровень метатеории. Предмет социально-философского рассмотрения поэтому – не столько «общество» в качестве системы, сколько сами способы его описания социальными науками, а цель – критическое переосмысление их базовых допущений.

Исходя из сформулированного понимания социальной философии как метатеоретического уровня методологической рефлексии, во **втором параграфе («Классическая, неклассическая и постнеклассическая модели социального познания»)** проводится анализ системообразующих принципов построения научного дискурса в социологии.

На сегодняшний день существует немало вариантов унификации социологических теорий, попыток приведения их к некоему «общему знаменателю». Ключевой в данном случае, несомненно, является проблема критериев выделения тех или иных исследовательских стратегий. Так, в целях корректной экспликации социологических парадигм необходимо учитывать «взаимоналожение» двух перспектив анализа – онтологической и гносеологической. Дихотомия, связанная с выявлением исходной «клеточки» социального, есть оппозиция «действия-структуры»: сторонники «акционизма» настаивают на детерминации «общества» целенаправленной деятельностью индивидов; для «структуралистов» социальный порядок, напротив, есть не следствие, а источник действий акторов. Оппозиция, обусловленная принятым познавательным стандартом, есть оппозиция «объективизма-субъективизма». «Объективисты» исходят из тезиса о «едином стандарте науки», а посему настаивают на использовании «количественных» методов в общественном знании. «Субъективисты», напротив, апеллируют к «качественной» методологии в науках об обществе.

Стратегия дальнейшего рассмотрения связана с тем, чтобы к представленному «внутреннему» ракурсу рассмотрения социальной науки добавить «внешний»: попытаться осмыслить специфику постановки и решения ключевых вопросов социального знания исходя из господствовавших в различные исторические периоды представлений об идеалах науки.

Модель «классика – неклассика – постнеклассика», к которой мы апеллируем, во многом утвердилась благодаря работам отечественного специалиста В.С. Степина. Рассматривая науку в единстве «онтологии» (научная картина мира), «гносеологии» (идеалы и нормы науки) и «аксиологии» (философско-мировоззренческие основания), он приходит к выводу о том, что каждый «идеал рациональности» предполагает свой системообразующий срез: «классика» фокусируется на характеристиках Объекта познания, «неклассика» – на Методе, «постнеклассика» – на антропологическом измерении науки (Субъект познания). При этом проблема

специфики социологической «классики-неклассики-постнеклассики» должным образом не прорабатывается Степиным.

На наш взгляд, «классике» как модели науки в рамках социологического знания в наибольшей степени отвечает позитивистская программа, сформулированная О. Контом. Среди ее характеристик: «структурное» (в обсуждаемом выше смысле) видение социальной реальности, «количественные» методы ее анализа, идеал ценностно-нейтрального исследования. «Неклассическая социология» есть, в первую очередь, неокантианская программа обоснования социогуманитарного знания, ибо именно ей в наибольшей степени присущ «методологизм», определяющий специфику «неклассической рациональности» в интерпретации Степина. В этой связи мы подчеркиваем, что «культура» в рамках неокантианства – не домен реальности, а способ познания действительности. Итак, с точки зрения методологии, «неклассика» озаменована становлением так называемых «качественных» методов исследования, отличных от «количественного» стандарта естественнонаучных дисциплин (заявленная оппозиция методологического «объективизма – субъективизма»). В плане онтологии «социологическая неклассика» на первый план выдвигает «деятельностное» – в противовес «системному» – прочтение социальной реальности. В первую очередь, это, теории «социологических номиналистов» М. Вебера и Г. Зиммеля.

«Постнеклассическая рациональность», предполагающая, по Степину, рефлексия социокультурной обусловленности науки, в общественном знании будет реализована, в том числе, в рамках социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана, а также социологии повседневности А. Шюца. Первые предметом своего анализа сделают те процессы, с помощью которых некая система знания становится социально признанной в качестве «реальности»; Шюц, обратившись к анализу «мира, принимаемого как данность», проблематизирует соотношение «научного» и «профанного» в социальном познании.

Таким образом, в результате проведенного анализа нами делается вывод о правомерности соотнесения модели «классической – неклассической –

постнеклассической рациональности» с рассматриваемыми парадигмами самой социальной науки.

Вторая глава «Принципы построения социальной теории классического и неклассического типов» посвящена выявлению парадигмальных основ «классической» и «неклассической» стратегий теоретизирования в науках об обществе.

Так, в первом параграфе («Позитивистская методология социологического исследования: предмет и когнитивная стратегия») подчеркивается, что дисциплинарное оформление науки об обществе оправдано рассматривать в контексте «интеллектуальной революции Просвещения»: новый тип дискурса был выстроен философами-позитивистами сообразно естественнонаучной модели рациональности, свое завершенное воплощение получившей в трудах Г. Галилея и И. Ньютона. Небесная механика выступала в качестве универсального методологического стандарта – модели постановки и решения исследовательской задачи. Социология в этой ситуации превращалась в «социальную физику»: притязания на «научность» с неизбежностью оказывались сопряжены с «физикализацией». Подобная установка задавала соответствующую конфигурацию классической социологии. Предмет последней – «объективно» существующий социальный порядок как внешняя, отчужденная от человека реальность. В качестве не подлежащего сомнению выступает тезис о первичности надындивидуальных структур, их принудительного по отношению к действующим субъектам характера. По этой причине поступки людей в рамках классической модели всегда, скорее, некие неосознаваемые «последствия» социальных институций, а не собственно индивидуальное целеполагание.

Во втором параграфе («Неклассическая рациональность и антипозитивизм: от натурализма к культурцентризму») отмечается, что рубеж XIX - XX вв. стал периодом своеобразной реакции на засилье методов экспериментального естествознания в области социально-гуманитарных наук – под знаком идеи кризиса ценностных оснований западного общества было

разработано немало философских концепций. Самоопределению гуманитаристики на базе описательной психологии (философия жизни) неокантианцы противопоставят свой «историзм». При этом последний будет реализован на логико-методологическом уровне – как «индивидуализирующее образование понятий». Гарантом «объективности» в этой ситуации выступает признание надысторического характера ценностей. Аксиологическая линия разработки проблем социально-гуманитарного знания будет продолжена М. Вебером – в ракурсе их частичной релятивизации на базе категории «интерес эпохи».

Придерживаясь заявленной установки на сопряжение моделей рациональности и развития собственно социологической теории, мы отмечаем также следующее. Подобно тому, как в рамках классической рациональности субъект представал пассивным ретранслятором знания, переводя объективную реальность в «науку», так и субъект социального мира был заложником анонимного социального порядка, безличных и безразличных к его судьбе социальных сил. В перспективе «неклассики» на смену социальным «фактам» приходят действующие акторы – идеалу «структурной» социологии Э. Дюркгейма противостоит «акционистская» теория М. Вебера. Отныне целеполагание действующего субъекта становится объяснительной моделью социального. При этом веберовская трактовка постановки целей и осуществления выбора средств для их осуществления во многом отсылает к Субъекту классической метафизики, а неприятие ценностного априоризма баденцев компенсируется перспективой общеисторического «расколдования».

В заключительном третьем параграфе (**«Социальная метафизика: объективизм и субъективизм в общественном знании»**) мы отмечаем: несмотря на то, что «акционисты» будут упрекать «структуралистов» в методологическом редукционизме, недооценке спонтанности человеческого сознания и т.п., а те в свою очередь, апеллировать к «научности», – их будет объединять поиск субстанциальной основы как онтологического базиса и одновременно методологического гаранта адекватности построений.

В рамках «постнеклассики», с нашей точки зрения, будут оспорены присущие «классической» и «неклассической» социологии субстанциализм, сциентизм и фундаментализм.

Эссенциализму будет противостоять конструктивистская перспектива, проблематизирующая позитивистскую «реальность саму по себе»: не поиски «природы человека», но, скорее, признание того, что методы осмысления Я и составляют поле субъективности; не изучение функционального устройства подсистем общества в качестве «объективных», но анализ способов закрепления за ними статуса реальности.

На смену сциентизму придет отказ от жесткого разведения эпистемы и доксы, научного и профанного; будет тематизирована идея конвенциональной природы знания, обусловленности научного дискурса социальными практиками.

Методологическому фундаментализму и нормативизму будет противопоставлены требование «включенного наблюдения», принцип построения теории «снизу», а также идея «контекстуальной валидности» любых научных концепции (термин А. Сикурела).

Таким образом, антиметафизический характер «постнеклассического» обществознания будет выражаться, в первую очередь, в подчеркивании процессуальной природы социального: не структуры, но процессы, не сущности, а исторически релевантные системы отношений. В этой связи мы утверждаем, что если «классическая – неклассическая» социальная теория будет настаивать на тотальном разведении перспектив «индивид-общество», «природа-культура», то «постнеклассика» займется поиском теоретических ресурсов для их нетривиального «примирения»: именно попытки «оборачивания» дихотомии «социальный субъект - социальный порядок», на наш взгляд, определяют вектор развития современного социально-гуманитарного знания.

Третья глава «Феноменологическая социология как стратегия постнеклассического дискурса в социогуманитарном знании» посвящена

анализу феноменологической философии и основанной на ней социологической традиции. Так, в первом параграфе («Феноменология и «науки о духе»: позиции отношения») в качестве важнейших характеристик сознания в феноменологии нами рассматриваются интенциональность, темпоральность, интерсубъективность. В частности, Субъект феноменологии не основа реальности (классическая метафизика), но смысл реальности; и источник бытия, и его коррелят – «интенциональность» не позволяет сознание рассматривать как вещь в себе. Поэтому феноменология – не наука о сознании, но о предметах сознания.

В качестве ключевой в рамках философского прояснения основ социальности анализируется также феноменологическая постановка проблемы интерсубъективности: показан генезис гуссерлевской мысли от «сообщества монад» к тематизации предпосланного им «жизненного мира». Последний рассматривается нами как своеобразное «обмирщение» культурцентристской программы неокантианцев. В ходе анализа сделан вывод о теоретической значимости этого мотива как для понимания поздней феноменологии, так и для основанной на ее базе социальной теории: подлинную загадку представляет «само собой разумеющееся», «подручное», «рутинное», ибо именно в этом качестве оно «прячется».⁴

В рамках данного параграфа нами подчеркивается также тот факт, что многие исследователи-социологи «игнорируют» раннего Гуссерля, сразу переходя к «социальной проблематике» жизненного мира. В этой ситуации молчаливо предполагается, что, первоначально бросив все силы на борьбу с релятивизмом, Гуссерль впоследствии отказался от этой «затеи» и пересмотрел свои взгляды. В ходе нашего анализа мы приходим к заключению об ошибочности данного положения, поскольку перспектива антирелятивизма «Логических исследований» не противостоит релятивизму «Кризиса европейских наук». В рамках проблематики жизненного мира Гуссерль

⁴ См.: Хайдеггер М. Бытие и время. – СПб., 2006. С. 69.

приходит к историческому релятивизму, отнюдь не возвращаясь при этом к антропологическому (индивидуально-психическому).

В свете сказанного делается вывод о том, что отсчет «социальной феноменологии» не следует вести с поздних работ Э. Гуссерля, но необходимо анализировать сам феноменологический проект – как значительно трансформирующий облик «первой философии» и создающий поэтому не столько конкретную социологию, сколько делающий возможным иную *философию социального*.

Второй параграф («Конститутивная феноменология естественной установки» А. Шюца как методологическая программа обоснования социогуманитарного знания») посвящен рассмотрению вклада А. Шюца в современную социальную теорию. Наследуя понятийный аппарат и важнейшие принципы феноменологической философии Э. Гуссерля, Шюц критически переосмысляет целый ряд категорий «понимающей» социологии М. Вебера.

В частности, действие в теории Шюца выступает феноменологической антиципацией будущего опыта на основе предыдущего: поведение социального агента формируется типизациями прошлого опыта. Используемая Шюцем терминология социальных автоматизмов, рутинно воспроизводимых действий (без их неперенной «ментальной обработки») отсылает, скорее, к более поздним рассуждениям П. Бурдьё о габитусе, нежели к социальному действию как целеполаганию (М. Вебер). Так, согласно Шюцу, «большинство наших повседневных форм деятельности... осуществляется благодаря следованию рецептам, сведенным к автоматическим привычкам или само собой разумеющимся банальностям».⁵ Важна регулярность и повторяемость событий, поэтому речь идет не столько о «производстве» действия (в терминах проектирования), сколько о его «воспроизводстве» (принципы «и так далее» и «я могу сделать это снова»).

⁵ Шюц А. Проблема рациональности в социальном мире // Избранное. Мир, светящийся смыслом. – М., 2004. С. 79-80.

В рамках данного параграфа оспорено также понимание теории Шюца в качестве «социологического субъективизма». Именно в опыте повседневной жизни, на уровне обыденного мышления мир никогда не «мой», но разделяемый совместно. Здесь нет места научному скепсису и философскому солипсизму. Жизненный мир принципиально интересубъективен – это защита от вменяемого Шюцу «субъективного произвола» на уровне онтологии. Методологическая же составляющая построений Шюца, не позволяющая говорить о «субъективизме», – признание типизации фундаментальной процедурой упорядочивания социального. Мы не воспринимаем мир как состоящий из уникальных индивидуумов, единичных процессов, он дан нам типически – посредством закрепленного в языке и социально наследуемого отвлечения от нерелевантного нашим задачам содержания: как типы людей, общие схемы поведения.

В третьем параграфе («Конструктивистская перспектива феноменологии: социология знания П. Бергера и Т. Лукмана и социальный конструкционизм») дается характеристика конструктивистской парадигмы в эпистемологии и науках о человеке. Основное внимание уделяется социальному конструктивизму П. Бергера и Т. Лукмана.

«Знание» авторов «Трактата» интересует не в перспективе его адекватности реальности, но с точки зрения его «социальной» легитимности: посредством чего знание становится «реальностью»? При этом в центре внимания – не специализированные формы знания, но знание дотеоретическое.

Универсальным механизмом формирования социального порядка признается типизация: будучи «опривыченными», действия «забываются» в этом качестве – начинают восприниматься как «реально существующие» и утрачивают генетическую связь с субъектами. На этой стадии они – в качестве «реальных» – нуждаются в легитимации, ибо возможна и обратная перспектива «расформирования» элементов социального порядка. Тем самым феноменологическая социология знания исследует механизмы закрепления

ценностно-нормативных порядков как механизмов седиментации (осаждения) знания.

В рамках данного параграфа рассматривается далее теория конструкционизма К. Джерджена. Последняя анализируется в соотнесении с социальной феноменологией М. Мерло-Понти. Их подходы роднит, в частности, понимание природы языка эмоций: оба ученых настаивают на его перформативности. Должен быть отброшен, полагают они, предрассудок классической психологии, согласно которому любовь, ненависть это «внутренние реальности», доступные единственному свидетелю – тому, кто их испытывает. Это «типы поведения, видимые извне»; не обозначение, но способы действия.

В заключение параграфа мы отмечаем, что «мир» в феноменологии принципиально не инобытие сознания. Опыт есть единство предметности и содержания акта восприятия. Из этого следует, что изначальная установка феноменологии на «воздержание от онтологического» – как философская предпосылка эпистемологического конструктивизма – никогда не было полным разрывом с «бытием». С этой амбивалентностью феноменологической философии нами связывается ее мощный эвристический потенциал.

Четвертый параграф главы («Этнометодологический проект Г. Гарфинкеля и современная «этнография науки») посвящен анализу этнометодологии в соотнесении с рядом направлений современной социальной эпистемологии.

Показано, что в центре внимания Гарфинкеля – «ближайшее» и в силу этого «просмотренное»: «практические действия». Вслед за Шюцем Гарфинкель обращается к социальному в том виде, в каком оно предстает рядовому агенту в его повседневной практике – «миру само собой разумеющегося». Цель этнометодологии – выявление характеристик, которые «видны, но не замечаются»; именно они составляют необходимую почву коммуникации, ее общий фон. Задача исследователя в данной ситуации – выработка специальных процедур, направленных на дестабилизацию

привычных социальных структур как фоновых ожиданий. При этом сдвиг в поведении индивидов, по мысли Гарфинкеля, будет соразмерен первоначальному уровню понимания «естественных фактов жизни».

В результате проведенного анализа сделан вывод, что ряд направлений современной социальной эпистемологии (в первую очередь, «этнография науки» и case-studies) развиваются в перспективе, схожей с той, которая была заявлена, в том числе Г. Гарфинкелем. Осуществляемые им исследования деятельности Центра по предотвращению самоубийств в Лос-Анджелесе, Клиники для психиатрических больных при Калифорнийском университете и т.д. приводят Гарфинкеля к выводу, что в этих структурах имеет место не столько описание «научных фактов», сколько воспроизводство самой практики научного учреждения. Идею «фабрикации фактов» разделяют «этнографы» Б. Латур и К. Кнорр-Цетина. При этом «фабрикация» в их глазах этически нейтральна: настаивая на «неспецифичности» науки на уровне рутинно воспроизводимых действий, этнометодология и «этнография науки» отнюдь не пытаются ее дискредитировать.

В заключительном параграфе третьей главы (**«Феноменологическая социология»: границы применимости»**) отмечается, что фактически общим местом на страницах специализированной литературы стало сближение феноменологической перспективы рассмотрения общества с экзистенциальной социологией. Последняя представлена работами Э. Тирикьяна, Д. Дугласа, Д. Котарба, Д. Хейм. Приведение обоих направлений к «общему знаменателю» зачастую осуществляется по принципу «гуманистических акцентов», на которые, по мнению ряда авторов, равно сориентированы и феноменологи и экзистенциалисты при рассмотрении социального мира. С нашей точки зрения, подобная интерпретация не вполне корректна.

Так, Э. Тирикьян перенимает терминологическое разграничение «подлинного – неподлинного» существования: субъект может «быть», а может «казаться». В феноменологической социологии, с нашей точки зрения, возобладает конструктивистская перспектива. А. Шюца, Г. Гарфинкеля и др.

будет интересовать не оппозиция «аутентичное – неаутентичное», но, скорее, способы социального закрепления за жизненными стратегиями этих предикаций.

В этой связи мы также полагаем, что «проективность» человеческого бытия – визитная карточка философии Сартра – не должна вводить в заблуждение: сартровский «конструктивизм» не чета феноменологическому. Философия экзистенциализма исходит из абсолютного разведения перспективы Субъекта и внешнего мира. Установка на суверенность оборачивается истолкованием «проектирования» в модусе отвоевывания себя – у мира, социума. В рамках же феноменологической традиции «ситуация», «обстоятельства» не только не отнимают нашей свободы, напротив, делают ее возможной. Тем самым модусу «обособленности» экзистенциализма феноменологи противопоставят модус «вовлеченности» – взаимозависимости Я и социума.

Оспорив правомерность некритического сближения феноменологической и экзистенциальной перспектив в социологии, мы, со своей стороны, склоняемся к идее имеющей место связи феноменологической социологии и постаналитической философии.

В **Заключении** обобщаются результаты диссертационного исследования, намечаются перспективы дальнейшей разработки проблем феноменологической социологии.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

В изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии:

1. Иванова А.С. Феноменологическая социология в контексте современных методологических дискуссий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2010. №1. С. 64-70. (0,4 п.л.)

2. Иванова А.С. Классическая, неклассическая и постнеклассическая модели социального познания // Вестник

Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2010. № 3. С. 22-29. (0,6 п.л.)

В других изданиях:

1. Иванова А.С. Феноменологические мотивы в современном социальном познании // Материалы XV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М., 2008. (0,1 п.л.)

2. Иванова А.С. Ж.-Л. Нанси: от «бытия сообщества» к «сообществу бытия» // Гуманітарні студії. Збірник наукових праць. Випуск 4. Київ, 2008. (0,1 п.л.)

3. Иванова А.С. К вопросу о методологическом потенциале социально-философского знания // Материалы Всероссийской научно-методической конференции «Проблемы и перспективы преподавания социогуманитарных дисциплин в технических вузах в современных условиях». М., 2008. (0,1 п.л.)

4. Иванова А.С. «Семья» в феноменологической перспективе // Материалы Международной научно-практической конференции «Семья в современном мире». М., 2010. (0,1 п.л.)

5. Иванова А.С. К проблеме метатеоретического статуса социальной философии // Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2010». М., 2010. (0,1 п.л.)

Подписано в печать 14.12.2010
Формат 60х88 1/16. Объем 1.0 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 1064
Отпечатано в ООО «Соцветие красок»
119991 г.Москва, Ленинские горы, д.1
Главное здание МГУ, к. А-102

10-2